

—И где-то через неделю в обсерваторию приехала комиссия из ИЗМИРАН во главе с Лобачевским. Кроме него в состав комиссии вошли: Анна Тимофеевна Яньшина - заведующая отделом кадров, от парткома - Юрий Михайлович Михайлов, и от профкома - ... Виталик Чмырёв! Держался он солидно, как и подобает члену официальной комиссии. Я предложил ему остановиться у нас, но Виталик отказался дабы не вызвать подозрений в необъективности: Чмырёв, мол, - приятель Намгаладзе и т.д., - и поселился вместе с остальными членами комиссии в Калининграде, в гостинице "Москва", даже не заезжая в Ладушкин. Это, впрочем, не помешало Гострему позже заявить, что Намгаладзе с Чмырёвым в первый же день пьянствовали на квартире у Намгаладзе, где тот настраивал Чмырёва против него - Гострема. Конечно, я рассказал Виталику о нашей ситуации, да он и сам знал Гострема, но разговор наш был довольно сухим, былой дружеской близости между нами почти не осталось.

—Не помню - до этого времени или чуть позже, летом семьдесят пятого, остатки моих тёплых чувств к Чмырёвым были выстужены приёмом, который оказала нам с Костей Виталькина жена - Наталья, правда, в отсутствие самого Виталика. Мы приехали в ИЗМИРАН по делам то ли темы, то ли Костиной диссертации, а остановиться было негде, в гостинице не было мест. Дело было уже к вечеру, и мы решили пойти к Чмырёвым, которые недавно справили новоселье в микрорайоне "В". Открыла нам Наталья. Мы объяснили ей своё положение и попросились переночевать. Та запричитала:

—- Ой, Саша, я не знаю, Виталик в командировке, дочка болеет, где же я вас положу? Сам видишь, как мы тесно живём!

—Я огляделся. Чмырёвы занимали две смежные комнаты в трёхкомнатной квартире. Сосед отсутствовал. Виталька сам рассказывал, что сосед практически не живёт дома, и квартира вся в их распоряжении. Я бы нашёл, где расположить гостей, на одну ночь тем более.

—- Ну, что ж, ладно. Извини, пожалуйста. Передавай привет Виталику.

—И мы ушли. Ай, да Наталья! Такого я не ожидал. Вот тебе и друзья. А как радовалась каждый раз Лия Силячевская, когда я заваливался к ней в её однокомнатную квартиру, где она жила с мужем и дочкой, в том же микрорайоне "В"! И в тот раз она нас с Костей приютила. Да... Ну, ладно.

Комиссии пришлось начать свою работу с утра прямо в гостинице, куда к Лобачевскому в номер первым явился - сам! без вызова! - ... Миша Никитин. Как рассказал потом сам Лобачевский, Миша счёл своим долгом сообщить, что имеет место заговор против Гострема, возглавляемый Намгаладзе, который стремится занять его место. У Гострема, конечно, есть недостатки, кто их не видит, но всё дело в Намгаладзе. Гострем же, хоть и не безгрешен, но много сделал и, безусловно, полезен как в обсерватории, так и в университете. Без него тут всё развалится. На вопрос Лобачевского: - А что Вы так за него беспокоитесь, ведь Вы не сотрудник обсерватории? - Миша ответил, что вот Намгаладзе пытается создать впечатление всеобщего недовольства Гостремом, но это не так, в университете его уважают, об этом он и пришёл сказать комиссии.

Явился ли Миша по своей инициативе или его послал Гострем? Позднее Миша утверждал второе. Пожалуй, так оно и было. Но вряд ли Гострему пришлось долго Мишу уговаривать. Сделав ставку на Гострема как научного руководителя своей диссертации, Миша решил остаться на его стороне, полагая, что комиссии вряд ли удастся поколебать положение Гострема.

Выяснив, что в кирхе сидят практически только сотрудники ЛПФ, комиссия ещё до обеда перебралась в Ульяновку. Нас, подписавших письмо Мигулину, опрашивали поодиночке недолго. Всех нас пригласили на расширенное заседание партбюро,

назначенное на четыре часа. Мы в последний раз сверили шпаргалки своих выступлений и приготовились к бою.

— Заседало партбюро во втором здании. Фактически это было закрытое партсоборание с приглашением недовольных беспартийных, а коммунисты были все - и обсерваторские (Иванов, жена его Маша, Лаговский, Иглаков, Сивицкий, Емельянова и Гострем), и из ЛПФ (Пахотин, Лещенко, Тимченко, Хрипов - оба, как и Иглаков, из когорты "чёрных полковников", то есть отставники с непонятными функциями, ветераны-охранники Коновалов и ещё один, не помню фамилии, был уже Печейкин, кажется, ещё кто-то), так что непонятно, почему это мероприятие называлось заседанием партбюро, хоть и расширенным. Сбились все в одну из комнат, обстановка была жаркая в прямом и переносном смысле.

— Вёл заседание секретарь партбюро - Иванов. На повестке дня стоял один вопрос: "О положении в Калининградской обсерватории ИЗМИРАН и о взаимоотношениях коллектива обсерватории с заведующим КМИО Р.В. Гострем". Открыл прения Лобачевский.

— Товарищи! Мы приехали сюда, чтобы ознакомиться с положением дел здесь у вас, в обсерватории. Мы давно к вам собирались, так как Калининградская обсерватория является подразделением ИЗМИРАН и должна находиться под контролем дирекции. Правда, Рунар Викторovich не очень нас приглашал, вот мы и не были у вас до сих пор. А теперь стало ясно, что необходимо вмешательство руководства ИЗМИРАН в вашу жизнь, поскольку в действиях Рунара Викторovichа, по-видимому, не всё правильно, хотя мы его, конечно, уважаем и ценим. Прошу вас высказать всё, что у вас наболело, что вас беспокоит, но только по существу, по-деловому, без излишних эмоций.

— И началось. Какое там - без эмоций! Слишком много их накопилось - наболевших вопросов, и вот, наконец, представилась возможность высказаться откровенно, с надеждой, что это будет не как об стенку горох.

— Я выступал первым, мне предстояло задать тон.

— Когда Рунар Викторovich впервые появился в обсерватории - тогда она ещё станцией называлась, он произвёл на всех большое впечатление, заразил научных сотрудников энтузиазмом, нарисовал грандиозные перспективы. Его обещаниям мы поверили и охотно пошли за ним.

— И вот прошло пять лет. Вместе с университетом мы выполняем хоздоговорные работы на огромные суммы денег, исчисляемые сотнями тысяч рублей и даже уже миллионами. К концу этого года мы должны отчитаться перед "Вымпелом" за тему "Каштан", и у нас, ответственных исполнителей участков этой темы, имеются большие опасения за итоговый результат. Мы считаем, что научный руководитель темы - Рунар Викторovich Гострем препятствует её выполнению в полном объёме и в срок, желает он того или нет.

— Начну с того, что стиль руководства у Рунара Викторovichа - волевой. По любым вопросам - научным, техническим, кадровым, финансовым, хозяйственным - он принимает решения, ни с кем не советуясь. Но для этого надо быть достаточно компетентным во всех этих вопросах, особенно в научных, иметь научный авторитет, а это-то у Рунара Викторovichа как раз отсутствует.

— Я руковожу группой моделирования ионосферы. В вопросах ионосферного моделирования Рунар Викторovich не разбирается - это всем известно. Тем не менее в мою деятельность как руководителя группы он непрерывно вмешивается, и ни разу не было, чтобы это вмешательство пошло на пользу дела. Тут и запреты проводить наши внутренние рабочие семинары в его отсутствие - а отсутствует он чаще, чем присутствует, и в непосредственной работе этих семинаров никак не участвует, просто надзирает за нами. Тут и волевые решения по кадровым вопросам внутри нашей группы, в частности, попытка искусственного раздела группы на физиков и математиков. Тут и запреты на поездки в Калининград мне или в Ульяновку тем, кто работает в Калининграде, и запреты

на командировки - вот совсем недавно был случай, все знают, Гострем не пускал меня на предзащиту Латышева, у которого я являюсь научным руководителем диссертации.

— Но самое порочное, что я нахожу в стиле руководства Рунара Викторовича - это моральная нечистоплотность, наушничество. Латышеву или Захарову, или Саенко, или Лаговскому он говорит обо мне такое, что никогда не скажет в моё присутствие, приписывая мне поклёпы на моих товарищей, настраивая их против меня. К счастью, ему мало кто верит, мы тут достаточно сдружились уже и рассказываем друг другу, что говорит о каждом из нас Гострем. Короче, политика у Рунара Викторовича простая - разделяй и властвуй.

— А давление на ребят, вполне откровенное, с целью включения его в соавторы наших статей?

— А сколько вреда он нам приносит своей крикливой рекламой наших пока ещё скромных достижений! Профессор Валерий Михайлович Поляков - крупный специалист по ионосферному моделированию, на работах его школы мы учимся, а Гострем может публично заявить где-нибудь: - Что Поляков? Он ерунду делает, так сказать, его модели никому не нужны. Вот у нас в Калининграде - это да! Лучшая модель в мире!

— Кому это нужно? Нам такая популярность не нужна, и нам потом приходится отрешиваться от высказываний своего руководителя, ибо они нас только дискредитируют.

— Наконец, Рунар Викторович просто не держит своего слова, говорит одно, а делает другое, много обещает, а своих обещаний не выполняет. Какое тут может быть к нему доверие? Заказчикам был обещан к концу выполнения темы автоматизированный комплекс, а где он? Им и не пахнет. ЭВМ надо стыковать с датчиками, это большая работа, а она - ЭВМ - до сих пор в ящиках стоит, гниёт.

— В общем, говорить можно много, а суть одна - Рунар Викторович некомпетентен как научный руководитель, но непрерывно вмешивается в дела ответственных исполнителей и только мешает им, а своим наушничеством отравляет атмосферу в коллективе, нервирует людей. Вот против этого мы и выступаем. Рунар Викторович одержим гигантоманией, а мы хотим не бесконечно расширяться, а нормально работать, выполнять то, что наобещали.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)